

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Работа представлена кафедрой философии РГПУ им. А. И. Герцена.

В статье освещаются особенности исторического познания в условиях глобализации, одной из важных характеристик которого является силовая интерпретация истории. Доказывается, что она проводится в интересах субъектов глобализации, т. е. ведущих стран Запада за счет стран «второго и третьего миров», поэтому идеологи глобализации не заинтересованы в объективном изучении исторического прошлого. Они используют историю в ее европоцентристском варианте, в основе которого мондиалистические тенденции, оправдывающие агрессивные устремления инициаторов глобализации, результатом чего становится угроза потери отдельными социумами своей социокультурной сущности. В этой ситуации особую роль приобретает учет аксиологических особенностей истории России, обосновывающий ее место в глобализирующемся мировом сообществе при опоре на собственные исторические традиции.

Ключевые слова: *глобализация, национальные ценности, взаимодействие цивилизаций, историческая преемственность, «страны второго и третьего мира», историческое познание, интеграционные процессы, информационное общество.*

GLOBALISATION AS A FORM OF ORGANISING THE HISTORICAL PROCESS

The article is devoted to the peculiarities of historical cognition under the conditions of globalisation, whose most important characteristics include forceful interpretation of history. The author proves that it is performed for the sake of the subjects of globalisation, i. e. the leading western countries, on account of the "Second and Third World countries", and that is why the ideologists of globalisation are not interested in the objective study of the historical past. They use history in its Euro-centric variant, which is based on the mondialistic tendencies justifying the aggressive ambitions of the globalisation initiators; this results in the menace that separate societies can lose their sociocultural essence. In this situation, consideration of axiological peculiarities of Russia becomes of special importance and substantiates its place in the globalised world society upon the basis of its own historical traditions.

Key words: *globalisation, national values, interaction of civilisations, historical continuity, "Second and Third World countries", historical cognition, integration processes, information society.*

В науке широко распространен подход, согласно которому развитие человечества характеризуется принципиальным единством. Этот подход нашел выражение в эволюционистской парадигме. К одному из ее вариантов с некоторой долей условности можно отнести формационную теорию. Классическая концепция модернизации также основывается на версии эволюционистского подхода, который недостаточно чувствителен к вариативному изменению истории. Поэтому актуально звучит утверждение Э. Морены: «Суть дела не в том, чтобы отказаться от познания частей в пользу познания целостностей или отказаться от анализа в пользу синтеза; надо соединить и то и другое. Это – вызов сложности, с которым мы неотвратимо сталкиваемся в нашу планетарную эру». Понимание глубины глобальных проблем провоцирует в обществе вызов неопределенности, который состоит прежде всего в утрате будущего: «В XX в. люди обнаружили, что утратили будущее, ибо установили, что будущее непредсказуемое... Будущее остается открытым и непредсказуемым». Кроме того, люди осознали, что «история отнюдь не представляет собой линейную эволюцию... История – это сложное сплетение порядка, беспорядка и организации» [7, с. 16–19].

Вместе с тем важно учитывать, что «историчность» знания измеряется событийным

временем и может быть понята как его другая динамика, отличная от линейной. Картина истории» в таком случае определяется экзистенциальными состояниями сознания (ментальность эпохи, дух времени и т. д. Познавательные интенции сознания входят в ткань истории. При этом состояния социальной реальности становятся историческими в той мере, в какой ситуация содержит в себе акт возникновения нового в ней. Чаще всего понятия, используемые в историческом познании, не являются строгими в логическом отношении. Вместо понятий, в большинстве случаев историк имеет дело с концептами. Например, само понятие «история» трансформируется в концепт. К таковым также можно отнести: «община», «революция», «крестьянин» и т. д. Они отличаются от понятий своей пластичностью, многозначностью, полифункциональностью и в этом качестве не так строги в логическом плане.

Проблемы возникают при конструировании систематик исторического знания, синтезирующих эмпирический (или описательно-историографический) и теоретический уровни (философия истории, теоретическая история, социология) исследовательской деятельности, ибо здесь историк в полной мере должен обладать качествами философа, способного распутать, если не решить, сложнейший клубок гносеологических и онтоло-

гических проблем. А поскольку «соединение качеств историка и философа в одном лице – довольно редкий случай» [6, с. 331], к тому же эти качества в классической рациональности относились к разным типам деятельности – знание фактическое и знание теоретическое – скорее оказывается разведенным по разным дисциплинам (собственно исторические дисциплины и теоретические дисциплины: методология и философия истории), чем синтезированным. Поэтому классическая рациональность не может справиться с дилеммой исторического познания, где нельзя без значительных уступок признать научность описательных историографических трудов, в которых нет «общих компактных мыслительных конструкций (собственно теорий и концепций), способных служить для целостного представления, понимания и объяснения растущей, как снежный ком, громады разнородных данных и фактов, там нет речи о «закономерностях исторического развития общества» [9, с. 138] и отсутствует соответствующий категориально-понятийный аппарат. Однако в чувственном переживании рождается яркий образ прошлого; возникает человеческое понимание смыслов прошлого уже в настоящем.

Аксиологическое содержание исторического познания в современных российских условиях, как имманентное ему качество, актуализирует национальные ценности, которые находят актуальное социально-политическое выражение в национальных интересах и далее конкретизируются в национальных целях, что определяет включенность исторического познания в сферу национальной безопасности России. Доказательством необходимости учета исторического опыта в условиях формирования нового мира под воздействием глобализации является и попытка создания основы единого федеративного европейского государства путем заключения конституционного договора, который предусматривал постепенный отказ от национальных парламентов и институтов. Вот почему, опираясь на историю, все чаще российские граждане убеждаются, что не надо во всем бежать наперегонки с современной Европой.

«Мы в своей истории, особенно в XX в., наделали массу собственных ошибок. Не надо наше и без того кризисное, больное общество наполнять «соблазнами»... Может быть, есть своя польза и в том, что в наших людях все же больше чувства стыда. В консерватизме современного российского человека есть своя большая польза. Не надо превращать борьбу за права человека во вспашку поля скорби и пустоты жизни. Для нас сегодня куда более важны права личности в их первоизданном, гуманистическом смысле» [14, с. 3]. Именно положительные и отрицательные уроки общественного развития в XX в. позволили народам и странам, проявляя волю, энергию и настойчивость, сконцентрироваться на более совершенных и оптимальных путях саморазвития [10].

В условиях глобализации перед историками стоят как минимум две проблемы, касающиеся структуры и элементов исторического действия, а именно: 1) необходимость нового рассмотрения проблемы субъекта исторического действия, формирующего современные процессы развития на фоне кризиса модели национального государства (требуется установить степень и значение деятельности организованных элит, их противостояния и результативность воздействия на политику); 2) оценка жизнеспособности концепции суверенного государства в условиях глобализации и развития информационных технологий, а также установление связи деятельности элит с «духом народа» [2, с. 147–148]. Такой подход возможен, по нашему убеждению, только на базе аксиологических установок, поэтому важно помнить, что «осознание важности устойчивых социальных взаимосвязей и взаимодействий как фактора, детерминирующего, обуславливающего и вместе с тем ограничивающего деятельность человека, возникло не сразу. Оно составляет содержание многих легенд и мифов и является важным элементом любой культуры, особенно в начальных фазах ее развития» [8, с. 81].

Тем не менее пока внимание историков, к сожалению, больше сосредоточено не на выявлении новых возможностей историче-

ского познания и условий творческой активности пишущих историю, а на «негативных последствиях» стирания грани между историей и литературой, между объективной истиной (факты доказываются ссылками на источник) и субъективным вымыслом (вольной интерпретацией фактов не подкрепленных источниками). Дело здесь не только в нежелании историков отказываться от привычного понимания своего «ремесла», но и в боязни потерять профессиональный суверенитет, лишиться власти историка-идеолога. Тем не менее новая расширенная трактовка историчности знания, наоборот, позволяет поднять статус исторического познания (и научного познания в целом), хотя и предполагает модернизацию профессии историка.

На основании этого формулируются тезисы, выходящие за пределы классических представлений об историческом знании и способах его экспликации в иных систематиках: об уникальности исторического знания, характерной для различных эпох с «особыми обстоятельствами» и «индивидуальным смыслом» (Гегель); о нелинейной динамике исторического знания; о динамике социальной реальности, определяемой настоящим временем; о людях, включенных в ситуацию на правах агентов, сотворяющих социальную реальность; о самосотворяющейся истории через порождение смыслов в уникальных ситуациях настоящего; о возможности поступать свободно в определенной социальной ситуации, создающей условие-содержание возникновения других идей; об организации исторического знания как открытой системы.

Именно тогда историческое знание становится средством поиска возможных вариантов дальнейшего развертывания общественных процессов, а инструментом этого поиска является мышление в его операционно-процедурном исполнении. Историческое знание в этом случае организуется в проекты, прогнозы в соответствии с возможными альтернативами развития ситуации на основании избранных приоритетов.

Это особенно важно, потому что глобальные изменения в будущем столь масштабны, что ни одна страна и ни один народ

в мире не готовы к их восприятию. Исчезают одни и появляются другие отрасли производства. Станут бессмысленными самые современные технологии и их заменят новые, пока еще не известные; сегодня процветающие территории опустеют, другие будут страдать от перенаселенности; сегодняшние добродетели станут предметом насмешек, а вчерашние пороки – условием успеха. Поэтому сегодня во всем мире говорят о необходимости «открыть себя заново», «изобрести себя заново» или хотя бы «осознать себя в новом мире» [17, с. 28]. В своем поиске целостного взгляда на мир Л. Стародубцева, например, рассматривает три основных способа познания мира – богословский, философский и научный. Развитие и дифференциация этих трех областей знания достигли к настоящему времени, как ей кажется, катастрофических масштабов: «...употребляя сегодня сами понятия «богословие», «философия» и «наука», мы не можем ни на миг забывать, что за каждым из них – необозримый спектр далеко разбежавшихся друг от друга и иногда причудливо сталкивающихся школ и направлений» [11, с. 193–194].

Тем не менее было бы неверно считать, что единство человечества может быть сведено к ведущим константам человеческого существования и рассматриваться как состояния неизменное, внеисторическое. В разные эпохи человечество обладало целостностью, отличавшейся количественно и качественно по объему содержания и форме проявления. Длительный период в человеческой истории преобладала пространственно-территориальная дезинтеграция, расселение и рассеяние родоплеменных общностей по земной поверхности. Лишь отчасти эта тенденция сдерживалась непосредственным общением разрозненных коллективов. Переход от присваивающей экономики к производящей («неолитическая революция» по Г. Чайлду), от кочевого образа жизни к оседлому, оживление и рост городов, постоянно действующих коммуникаций, территориально государств, а затем империй с мессианской идеологией мирового господства на основе идеи единобожия – все это вело к перелому в ходе все-

мирной истории, наступлению «осевому времени» (по К. Ясперсу). Процесс дивергенции, обособляющей специализацию этнокультурных и этнополитических общностей постепенно сменяется конвергенцией, сближающей универсализацией способов их воспроизводства активнее всего в духовной сфере по мере распространения мировых религий. Объективно преобладание конвергенции над дивергенцией закрепляется в эпоху утверждения индустриальной цивилизации, капиталистической общественной формации. И если на этапе ее возникновения временно усиливается тенденция к национальному обособлению, формированию национально-региональных хозяйств, рынков и государств, то на зрелой стадии ее развития, окончательно верх берет тенденция образования мирового хозяйства (международное разделение и кооперация труда) мирового рынка (международное обращение капиталов и товаров) и государств-империй нового типа, их коалиций, разделяющих между собой экономически, политически, идеологически территорию геосферы.

Эволюционной парадигме противостоят мультилинейные теории, сторонники которых подчеркивают вариативность моделей, этапов развития. Данный подход нашел яркое выражение в теории локальных цивилизаций, обращающей внимание на особенности динамики отдельных цивилизаций или культур. В основе второго подхода лежит идея множественности цивилизационных законов. При этом, однако, фактически элиминируется идея единства истории, исчезают тенденции развития человечества.

В своем нынешнем, буржуазно-либеральном варианте концепция постиндустриализма не представляет никакой реальной альтернативы экологически разрушительному индустриализму, инструментально потребительскому отношению к миру. Самая главная опасность, однако, состоит в том, что глобализация, как она сейчас разворачивается в горизонте подчиненности субъективным интересам, ведет к изменению, а в тенденции и к устранению национальных культур, до сих пор выступающих основой цивилизационно-

го разнообразия человечества [5, с. 233–238].

Современное состояние исторической гносеологии является результатом того, что постоянно происходил и происходит сложный процесс дифференциации исторического познания и возникновения исторической науки. В философии истории выделяются как бы два направления: один образует знания, обращенные к исторической реальности, другой – знания, выявляющие логическую структуру и методологические основания самого исторического познания.

Историческая гносеология охватывает все формы познания, все познавательные структуры, присутствующие в обыденном знании, в художественном, философском, политическом и научном познании. Поскольку «...логика истории первая вскрывает глубочайшую сущность логического вообще, она не может ограничиться областью истории, но должна охватить весь мир, следовательно, природу... Обычная же логика естественных наук может быть лишь логикой скользящего по поверхности мышления, сводящегося на опосредованное впечатление и его расчленяющую рефлексию, логикой, которая еще не принимает во внимание взаимного опосредования подвижной действительности в ее частях и в целом. Эта логика может быть только абстрактной рефлексией, которая абстрагирует из подлинного жизненного единства всякое единичное, изолирует его в рефлексии и затем внешне связывает его в известную совокупность» [13, с. 214].

Историческая гносеология имеет свою специфику, которая связана в первую очередь с многослойностью информационного поля, которое включает в себя понятие «история». Как отмечал О. Шпанн: «История есть осмысленная иерархия находящихся в состоянии взаимного соответствия периодов развертывания различных структурных элементов человечества, т. е. культур, которые развивают различные духовные направления, обладают различной скоростью развертывания и потому находятся на различных стадиях процесса развертывания» [16, с. 359]. По мнению Л. П. Карсавина, «история в узком и точном смысле этого слова усматривает и

изучает развитие там, где оно полнее всего обнаруживается. А оно обнаруживается в материально-пространственном бытии не сразу, с большим трудом и при помощи определенных метафизических положений бесознательно и безотчетно выставляемых философски необразованными естествоиспытателями, систематически и обоснованно – философией» [4, с. 81]. Как видим, совершенно разные мыслители отмечают многоаспектность влияния на человека и социум исторического прошлого. Все эти аспекты приобретают особую значимость в условиях глобализации.

Еще одна характерная тенденция современности состоит в том, что в мировой исторической науке изменяется также соотношение между социальной и ментальной историей. Все более популярным становится полидисциплинарный подход. Предпринимаются попытки достижения нового исторического синтеза, предполагающего отказ от идеи всеобщего детерминизма. Внимание профессиональных историков привлекают новые теоретические подходы: цивилизационный; культурологический антропологический. В конечном счете, все это ведет к отказу от единой универсальной доктрины исторического процесса. В свою очередь, специалисты в области теории и методологии науки отмечают, что можно выделить 3 уровня научного знания, по-разному влияющих на культурное самоопределение любого народа: парадигмальный, методологический, конкретно-научный.

Механизм выбора обществом того или иного варианта своего исторического пути неизбежно включает в себя процедуру анализа социально-исторического опыта, не только и не столько собственного (приобретенного всем обществом или его значимыми социальными слоями в ходе разного рода исторических коллизий), но и транслированного иными социальными системами (заимствованного, возникшего таким же образом у других народов. Второй тип влияния связан с анализом и усвоением опыта других народов, государств, культур. Открытым остается вопрос об эффективности и возможных ограничениях и использовании «внешнего» опыта.

Наличие соответствующим образом интерпретированного исторического опыта других народов в значительной мере облегчает элите, ответственной за принятие решения, транслирование этого решения в массы. В этом случае значительно уменьшается необходимость теоретического обоснования выбранного пути, иногда достаточными становятся лишь ссылки на здравый смысл общества и положительный пример.

С точки зрения ведущих отечественных ученых, история – фундаментальный процесс развития человечества, критериями которого выступают: совершенствование качества жизни людей, их образа жизни, развитие личности, прогресс, означающий движение людей «к благоденствию, удобствам, комфорту, к твердому и надежному жизнеобеспечению, к материальному достатку, к культурному и духовному развитию, к совершенствованию личности и в целом к повышению качества жизни во всех ее материальных и духовных проявлениях» [3, с. 2]. Использование этих базовых параметров позволяет рассматривать историю стран и народов в качестве органических составляющих глобального развития человечества. При этом указанные параметры выступают индикаторами степени интеграции отдельных потоков истории в общечеловеческий процесс цивилизации.

На этом фоне особую полемичность вызывает понятие «общечеловеческих ценностей». По мнению одних ученых, «принцип приоритета общечеловеческих ценностей – не просто благое пожелание и красивая фраза, а аксиологический императив, ...без осуществления которого человечество прекратит свое существование» [12, с. 96, 97]. Однако многие современные российские философы ставят под сомнение такую постановку вопроса, поскольку она противоречит в первую очередь истории. «Что же касается теории общечеловеческих ценностей, преувеличивающей значение идеалов и стандартов жизни индивидуалистического общества, то она в данном преувеличении внутренне несостоятельна. Во-первых, ценное – это всегда имеющее отношение к субъекту из числа

многих субъектов, следовательно, ценное исключает общечеловеческое. Во-вторых, ценностное, потребительское отношение к содержанию мира – это одно из возможных отношений к нему, а потому такое отношение, традиционное для Запада, реально оказывается неприемлемым в других регионах мира, особенно там, где имеется традиционно более дальновидное отношение к внутреннему и внешнему миру людей. В-третьих, ценностное отношение к содержанию мира – это прикрываемое положением о непознаваемости мира циничное пренебрежительное отношение к объективным законам природы и общества (в частности, к законам объективной диалектики), к действию законов микро- и макрокосмоса. В-четвертых, ценностное отношение к содержанию мира и навязывание прагматизма и эгоизма всему миру на практике привело к разворачиванию на планете трагедии под названием глобальных проблем современности. И стало очевидным, что с позиций ценностного отношения к содержанию мира разрешить указанные глобальные проблемы не удастся» [15, с. 264].

Общий ход развития мысли присущ всем народам, вовлеченным в движение истории; он постоянен и непрерывен, имея тенденции к росту, однако в отдельные периоды истории может замедляться и содержит как общечеловеческие, так и индивидуальные черты, присущие каждому отдельному этносу, хотя в основе всего – единая природа человека.

По мнению П. Е. Бойко, в современных условиях «...само время становится антиметафизическим и антидогматичным, требуя в отношении философии истории XX в. нелицеприятного суда диалектического разума» [1, с. 18]. Определенный оптимизм в решении задач, связанных с историческим выбо-

ром пути России и всего мира, многие ученые видят в том, что историческая наука переживает новый плодотворный период, когда в работах ее лучших представителей происходит не переписывание, а переосмысление истории.

Трансформация истории во многом связана с тем, что современные глобализационные процессы имеют и субъективную сторону, касающуюся нравственных и политических устоев нашей цивилизации. С этой стороны сущность протекающих процессов может быть определена термином «геополитика глобализма», смысл которого заключается в завоевании и укреплении власти Запада над всем остальным миром, установлении нового мирового порядка и единого мирового правительства. Более того, конечная цель глобализации состоит в стремлении Запада навязать всем незападным культурно-историческим типам свое цивилизационное устройство как единственно верное и подлинное. Инструментами такой глобализации являются: разложение национального самосознания людей и народов; подрыв государственности, примат международного права и установление полного контроля над суверенными системами власти; устранение протекционистских, таможенных и других барьеров в мировом финансово-экономическом пространстве; информационная прозрачность.

Таким образом, история играет принципиальную роль в воспроизводстве «коллективной памяти», в возможности связать в историческом производстве интересы формирования личности с целым рядом базовых исторических категорий (этнос, мировое сообщество, цивилизация), что приобретает особое значение в условиях глобализации, когда универсалистские тенденции несут угрозу социокультурной идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бойко П. Е. Идея России в русской философии истории. М.: Изд-во «Социально-политическая МЫСЛЬ». 2006. 215 с.
2. Дудник С. И. История и историческое сознание // Я (А. Слинин) и МЫ. Вып. X. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. 186 с.
3. История человечества: в 8 т. Т. VIII: Россия / общ. ред. чл.-корр. РАН А. Н. Сахаров. М.: Издательский Дом «МАГИСТР-ПРЕСС», 2003. 346 с.

4. *Карсавин Л. П.* Философия истории. СПб., 1993. 320 с.
5. *Кирвель Ч. С., Стрельченко В. И.* Глобализация образования и социальные стратегии современности // Диалог поколений и культур в контексте глобализации: Материалы Международной конференции «Конфликт поколений в контексте информационной глобализации». СПб.: Изд-во политех. ун-та, 2007. 212 с.
6. *Кисель М. А.* Философия истории // Современная западная философия. М., 1991. 312 с.
7. *Морена Э.* Принципы познания сложного в науке XXI века // Вызов познанию: Стратегии развития науки в современном мире / отв. ред. Н. К. Удумян. М., 2004. 234 с.
8. *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. М., 1991. 276 с.
9. *Розов Н. С.* Теоретическая история – место в социально познании, принципы и проблематика // Время мира. Альманах. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке / под ред. Н. С. Розова. Новосибирск, 2000. 287 с.
10. *Семенов В. С.* Уроки XX века и путь в XXI век: (социально-филос. анализ и прогноз). М., 2000. 219 с.
11. *Стародубцева Л.* Взгляд Линнея, или мир сквозь линзы умозрений // Вторая навигация: Альманах. Запорожье: Дикое поле, 2006. № 6. 167 с.
12. *Столович Л. Н.* Об общечеловеческих ценностях // Вопросы философии. 2004. № 7. 279 с.
13. *Трельч Э.* Историзм и его проблемы. М.: Юрист, 1992. 419 с.
14. *Ципко А.* Третье средневековье // Литературная газета. 2006. 29 марта – 4 апр. 16 с.
15. *Чуринов Н. М.* Совершенство и свобода. Красноярск, 2001. 723 с.
16. *Шпанн О.* Философия истории. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. 485 с.
17. *Юрьев А. И.* Политическая психология терроризма // Философские науки. 2005. № 10. 178 с.

REFERENCES

1. *Boyko P. E.* Ideya Rossii v russkoy filosofii istorii. M.: Izd-vo «Sotsial'no-politicheskaya MYSL'». 2006. 215 s.
2. *Dudnik S. I.* Istoriya i istoricheskoye soznaniye // Ya (A. Slinin) i MY. Vyp. X. SPb.: Sankt-Peterburgskoye filosofskoye obshchestvo, 2002. 186 s.
3. Istoriya chelovechestva: v 8 t. T. VIII: Rossiya / obshch. red. chl.-korr. RAN A. N. Sakharov. M.: Izdatel'skiy Dom «MAGISTR-PRESS», 2003. 346 s.
4. *Karsavin L. P.* Filosofiya istorii. SPb., 1993. 320 s.
5. *Kirvel' Ch. S., Strel'chenko V. I.* Globalizatsiya obrazovaniya i sotsial'nye strategii sovremennosti // Dialog pokoleniy i kul'tur v kontekste globalizatsii: Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii «Konflikt pokoleniy v kontekste informatsionnoy globalizatsii». SPb.: Izd-vo politekh. un-ta, 2007. 212 s.
6. *Kisel' M. A.* Filosofiya istorii // Sovremennaya zapadnaya filosofiya. M., 1991. 312 s.
7. *Morena E.* Printsipy poznaniya slozhnogo v nauke XXI veka // Vyzov poznaniyu: Strategii razvitiya nauki v sovremennom mire / отв. ред. Н. К. Удумян. М., 2004. 234 с.
8. *Porshnev B. F.* Sotsial'naya psikhologiya i istoriya. M., 1991. 276 s.
9. *Rozov N. S.* Teoreticheskaya istoriya – mesto v sotsial'no poznanii, printsipy i problematika // Vremya mira. Al'manakh. Vyp. 1: Istoricheskaya makrosotsiologiya v XX veke / pod red. N. S. Rozova. Novosibirsk, 2000. 287 s.
10. *Semenov V. S.* Uroki XX veka i put' v XXI vek: (sotsial'no-filos. analiz i prognoz). M., 2000. 219 s.
11. *Starodubtseva L.* Vzglyad Linneya, ili mir skvoz' linzy umozreniy // Vtoraya navigatsiya: Al'manakh. Zaporozh'ye: Dikoye pole, 2006. N 6. 167 s.
12. *Stolovich L. N.* Ob obshchechelovecheskikh tsennostyakh // Voprosy filosofii. 2004. N 7. 279 s.
13. *Tryol'ch E.* Istorizm i ego problemy. M.: Yurist, 1992. 419 s.
14. *Tsipko A.* Tret'ye srednevekov'ye // Literaturnaya gazeta. 2006. 29 marta – 4 apr. 16 s.
15. *Churinov N. M.* Sovershenstvo i svoboda. Krasnoyarsk, 2001. 723 s.
16. *Shpann O.* Filosofiya istorii. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2005. 485 s.
17. *Yur'yev A. I.* Politicheskaya psikhologiya terrorizma // Filosofskiye nauki. 2005. N 10. 178 s.